

Добрыня и Маринка (7)

А жила-была старушка тут-де старая,
Кабы были у ей ищо две девушки;
А пошли они-де брать да в лес как ягоды,
А вперёд-от-де шли лесами тёмныма,
А назад пошли через чисто полё.
А идут-де они через чисто полё,
А увидели: бежат нынцe гнеды туры,
А гнеды-де туры да златорогие.
Как домой тут пришли да эти девушки,
Они стали старушке как рассказывать:
«Ох ты ой-де, старушка нынцe старая!
Мы ходили-де, брали сладки ягодки,
А назад-ту пошли через чисто полё,
А увидели: бежат ноньцe гнеды туры,
А гнеды-де туры да златорогия;
Преж ведь бегало у Маринки-то деветь туров,
Нынцe бежит у Маринки-то десить туров,
А десят-от нам тур да придвигаитце,
А из глаз-то бежат да горюци слёзы».
Как на то была старушка как догадлива,
А хватала свою книгу волховную,
А смотрела, волховала в книги волховной,
Говорит-то сама да таково слово:
«А воровка Маринка-та лиха гроза,
Овернула моёго блада хресника,
А того-де Микитушку Добрынюшку».
А хватала она шубу худящую,
А накиывала она ведь на онно плецё,
Как хватала она ' сабой клюку-посох,
Побежала старушка вдоль по городу,
С боку на бок старушка раскачалосе,
А у шубы-де клиньё разлеталисе.
Прибежала к Маринке нонь лихой грозы,
Заходила она да в избу нижнюю,
Забивалась на печьку на муравленку,

А как стала в печь клюкой поколачивать,
А сама из рецей да выговаривать:
«Ох, воровка ты, Маринка, ведь лиха гроза!
Ты зачем ёвернула моего хресника,
Ты того же Микитушку Добрынюшку?
Отверни-ко-сь моёго блада хресника!
Не отвернёшь моёго ище хресника, —
Оверну тебя кобылой водовозной,
Как ведь станут на весь город воду возить».
Как на то же Маринка не ослышалась.
Как другой-де раз печь стала поколачивать:
«Отверни-ко-сь моёго блада хресника,
Не отвернешь моёго ище хресника, —
Оверну те я сукой волочавою,
Как ведь станут за тобой псы бегать зівсё нынь,
Как ведь те же вси псы городовыя».
Услыхала тут Маринка-та люта гроза,
Выходила она да на середку пол,
Как ведь стала ' старушкой розговаривать:
«Я за то овернула твоего хресника,
Он застрелил у меня друга любимого».
Как ведь призвали Никитушку Романова,
А как стали его ище допрашивать:
«Ты за цё-де застрелил друга любимого?»
Отвечат им Микитушка Романович:
«Я ведь десять лет жил ище в кучерах,
Да я тридцеть я лет сидел во писарях —
Мне сижаноцька эта как прискуцилась.
Я как брал-де ' сабой да ище тугой лук,
Я как брал-де ' сабой да калену стрелу,
Я пошел-де с им да вдоль по городу;
Я иду ле нынь да вдоль по городу —
Я увидял, как сидят у ей да сизы голубы.
Я как стал стрелеть да сизых голубов,
Я как стрелил-де нынь да сизых голубов,
А подметоцька у стрелочки подбилосе, —
Полетела как стрелка ниже жолоба,
Залетела во окошечко косявчето.
Как в окошечке сидел у ей любимой друг —

Залетела-де стрелка в буйну голову,
Как ведь тут же ему да смерть случиласе».

(Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. — май 1902 г., сел. Усть-Цильма Печорского у. — от Рочева Егора Ивановича, 61 г.)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.